

Н. И. РАХМАНОВА

(Московский государственный лингвистический университет)

Dmitrij Dobrovolskij. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. 2., aktualisierte und erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag GmbH, 2016. — 399 S.

Монография Д. О. Добровольского дает возможность ознакомиться с очередным этапом его многогранной научной и практической деятельности. Не претендуя на то, чтобы в рамках одной рецензии охватить весь комплекс проблем, затрагиваемых в работе, остановимся на том, что показалось наиболее существенным и оригинальным.

Как в области фразеологии, так и в лексикографической практике, несмотря на накопленный десятилетиями опыт, существует большое количество нерешенных проблем. Дмитрий Олегович, много лет плодотворно занимаясь вопросами фразеологии и лексикографии, продолжает искать новые пути совершенствования теории и практики. В его рассуждениях не может не imponировать отсутствие претензии на окончательность решения поставленных проблем. Автор задает себе и читателю вопросы, ответы на которые даются в последующих рассуждениях, а иногда остаются открытыми. Каждому, кто знакомится с его книгой, она может дать импульс к самым неожиданным и смелым разработкам. Еще одно достоинство монографии — широта охвата лингвистических проблем как фундаментального, так и более частного характера.

Работа Дмитрия Олеговича, затрагивая широкий круг теоретических вопросов, имеет вместе с тем и практическую направленность. Читателю предлагается описание экспериментов, о которых речь пойдет позднее.

Признавая огромную значимость достижений в сфере разработки фразеологии предыдущих этапов (труды таких исследователей, как Х. Бургер, И. И. Чернышева, А. Д. Райхштейн, В. Н. Телия, В. Фляйшер, В. М. Мокиенко и многих других), Дмитрий Олегович полагает, что традиционное толкование фразеологии и, в частности, идиоматики не удовлетворяет современным потребностям, в первую очередь лексикографическим. Когнитивный подход в опре-

делении статуса идиомы оказывается релевантным для выделения идиоматики в особый класс, позволяющий создать или приблизиться к созданию тезауруса идиоматики, своего рода лингвистического аналога картины мира. Создание такого тезауруса предполагает организацию идиом на основе моделирования семантических отношений между ними.

Сам термин «идиома» трактуется в ключе теории прототипов: идиома представляет собой ядро фразеологии, поскольку в оппозиции к другим представителям категории фразеологизмов, образующих ее периферию, обладает наиболее ярким категориальным признаком — нерегулярностью (Irregularität). В качестве критериев нерегулярности могут выступать семантическая нечленимость, синтаксическая устойчивость, оформление сочетания, наличие уникального компонента, ущербность парадигмы и другие (с. 57), представленные у сочетаний в разной степени и в разных комбинациях. Устанавливается «фамильное сходство» идиом, основывающееся на наличии разных признаков. В отличие от традиционной фразеологии не проводится четкого отграничения от других классов устойчивых сочетаний на основании лишь одного какого-то признака. Основанием для категоризации является набор признаков словосочетания, не обязательно во всем объеме. Идиомы, обладающие «лучшими», т. е. более яркими признаками нерегулярности, оказываются ближе к прототипу.

Проблема создания корпуса идиом связана, с позиций когнитивной лингвистики (далее — КЛ), с вопросом о том, хранятся ли идиомы в памяти человека как готовые единицы. Ссылаясь на результаты многочисленных экспериментов (с. 59—69), автор приходит к выводу, что решение этой проблемы возможно на основе моделирования семантических отношений между идиомами.

Обращаясь к лексикографической практике в разных сферах (с. 72 и сл.), Дмитрий Олегович полагает, что всякий словарь по своему отражает модель мира. Понятие картины мира, восходящее к концепции В. Гумбольдта и активно разрабатываемое в современной лингвистике, определяет когнитивную сущность языка. В ментальном пространстве человека одновременно сосуществуют несколько моделей мира. Одним из важнейших постулатов КЛ является следующий: «язык ориентирован на картину мира — не только в том смысле, что отражает ее, но и в том, что участвует в ее создании» („die Sprache ist „weltmodellbezogen“, nicht nur im Sinne, daß sie die entsprechende Weltperspektive reflektiert, sondern auch in dem Sinne, daß sie sie mit konstruiert“ — с. 80). Новый этап исследований, по сравнению с воззрениями (нео)гумбольдтианства, характеризуется «иной расстановкой акцентов»: методы КЛ позволяют установить семантические закономерности, в том числе выходящие за рамки национально специфического, например, концептуальные метафоры, универсалии в сфере идиоматики.

В сознании человека одновременно могут существовать несколько моделей мира. Это определяется не только различием между языками и культурами, но и динамическим характером картины, ее зависимостью от ментальной стратегии (с. 81). Они могут быть в противоречии и даже исключать друг друга, например, религиозная и научная картина мира, но при этом сосуществовать в сознании. Все они функционируют в когнитивной деятельности человека.

Остановимся на основополагающих принципах создания тезаурусного фразеологического словаря нового типа.

- 1) Для создания тезаурусного словаря идиоматики релевантна языковая картина мира, поскольку лингвистическая семантика не может выйти за рамки нашего восприятия действительности. В центре антропоцентричной языковой модели мира находится «познающий и оценивающий субъект» („das erkennende und wertende Subjekt“) (S. 89). Особое значение придается «наивной» картине мира, для которой, в отличие от научной, важны такие оппозиции, как «свой-чужой», «хороший-плохой», «разрешено-запрещено» и так далее.
- 2) Если традиционные тезаурусные словари строились как ономаσιологические, принципом описания материала в которых является «денотат → знак», то с когнитивной точки зрения адекватным следует признать идеографический принцип: «концепт → знак», поскольку лексикон отражает не мир, а наше видение его.
- 3) Идеографическое описание концепта родственно изучению полей, т. е. базируется на методах семасиологии.
- 4) Описание материала должно происходить на основе индуктивного метода.

Лингвокогнитивный подход к семантике идиом основывается на представлении о том, что категоризация базируется не на дистриктивных признаках, а на отношениях сходства. Семантические компоненты единиц приобретают, таким образом, не смыслоразличительную функцию, а полеобразующую. Задача лексиколога — создать концептуально-семантические группы идиом. Систематизирующую функцию выполняют дескрипторы (семантические маркеры), приписываемые идиомам. В качестве дескрипторов исследователь считает целесообразным использовать не абстрактные понятия — такие как «предметность», «особенность», — а более конкретные, как «тайна, молчание», «успех», «препятствие» и т. д., которые, по его мнению, в большей мере связаны с психологической реальностью (с. 107). Идиомам приписывается несколько базовых категориальных признаков, например, выражению *jmdm./etw. am/auf dem Hals haben* — дескрипторы „Belastung“, „Mühe“, „Ärger“. Поиски прототипических дескрипторов осуществляются на основе анализа контекстного употребления идиом. Такой подход, на наш взгляд, позволяет определить актуальное значение идиомы.

Синкретичный характер фразеологических концептов, определяющийся, прежде всего, образностью, модифицируемой в конкретном языковом употреблении, приводит автора к обращению к «технике кластеров» (с. 109). Этот прием позволяет распределить языковой материал на таксоны, как, например, «честность, откровенность, открытость, прямота», объединенные набором дескрипторов. Идиомы, попадающие в один таксон по принципу фамильного сходства, обладают, соответственно, более или менее ярко выраженными прототипическими признаками. Описание и классификация идиоматики с помощью таксонов во многом перекликается с теорией семантических полей (с. 125).

Трудность, возникающая при концептуальном структурировании таксона, заключается в том, что они не образуют иерархической структуры, поскольку идиоматика отражает лишь первичный уровень концептуализации. В этой связи целесообразно говорить о «семантических сетях», что позволяет описать случаи не только синонимии, антонимии и т. д., но и отношения ассоциации. Одна и та же единица может оказаться в разных таксонах не только в силу своей многозначности, но и за счет коннотативного компонента в семантике. Пользуясь индуктивным методом и исходя из эмпирических данных, а не заранее заданной схемы, исследователь достигает максимально объективной картины идиоматики. Такой подход, несомненно, дополняет и обогащает лексикографическую теорию и практику.

Вторая часть книги открывается обзором тех теоретических и прикладных сфер, в которых нашли применение идеи, изложенные в предыдущей части (с. 169—170). Отмечая, что создание идиоматического тезауруса по-прежнему остается сложнейшей задачей, требующей огромной исследовательской работы, автор освещает новейшие аспекты исследования идиоматики с позиций КЛ и предлагает примеры практической реализации разработанных теоретических положений.

Выделяются два направления исследования: когнитивно-психологическое и когнитивно-лингвистическое, представленные в работах, к сожалению, фрагментарно. Первое связано с экспериментами, имеющими целью установить процесс ментальной обработки идиом, в частности, например, определением того, какое значение — буквальное или переносное — обрабатывается раньше.

Остановимся подробнее на втором направлении, которым занимается сам Дмитрий Олегович и его коллеги. При лингвокогнитивном подходе уделяется внимание не только семантике идиом, но и их синтаксическим особенностям и парадигматическим отношениям.

Так, рассматривая возможность грамматической трансформации (например, преобразование активной конструкции в пассивную) идиом, автор указывает на то, что она определяется семантикой идиомы, допускающей подобную трансформацию с сохранением ее значения.

Сравнивая традиционные взгляды на идиоматику и когнитивный подход, Дмитрий Олегович выявляет целый ряд принципиальных различий, например, в трактовке метафоры, которая в когнитивном аспекте рассматривается не как языковое явление, а как концепт, закрепленный в идиоме.

Анализируя две идиомы, с традиционной точки зрения считающиеся синонимами, автор указывает на различный характер их образности, что проявляется и в разнице контекстного употребления. Таким образом, речь идет о «квазисинонимии». Объективную картину может дать только исследование корпусов. Наличие полисемии также определяется в конечном счете узусом. Ответить на вопрос, почему это происходит, КЛ не может. Ее задача — вскрыть семантический потенциал идиом с помощью когнитивного моделирования. Установление когнитивных моделей релевантно для полей, и особенно — для идиом со схожей мотивированностью.

Для семантической структуры идиомы не имеют значения такие параметры, как «каузальность», «состояние», «процесс» и т. п. На их основе невозможно создание тезауруса. Для когнитивного описания важны тематические классы или семантические поля. Признаки, по которым они формируются, не универсальны, но обладают системообразующим потенциалом.

Для идиом важна, благодаря особенностям ее семантики, множественность классификаций, т. к. они могут попадать в разные таксоны — таким образом формируется сеть связанных между собой таксонов. Анализ контекстов показывает, какой аспект значения идиомы более стабилен. Если это не удастся выявить, идиома попадает в несколько таксонов. Это же касается и многозначных идиом.

Новое в теории тезауруса то, что в каждом таксоне есть ядро и периферия. Конкретные идиомы в разной степени являются репрезентативными для своего тематического класса.

Задача когнитивной семантики — уделить более пристальное внимание тезаурусам идиом. Это возможно, т. к. важнейшая особенность обработки языковой информации состоит в способности человека организовывать знание в виде схем и сети концептов. В этом смысле адекватная теория тезауруса не является чисто лексикографической задачей, но прежде когнитивно-семантической.

Большой интерес вызывают примеры лексикографической разработки тезауруса. Их в монографии приведено три:

Пример 1 — тезаурус, составленный на материале идиом, обозначающих говорящего, речевой акт и реципиента.

Прототипической категорией «ядра» является «вербальное выражение». Соответствующие идиомы могут выражать разнообразные аспекты вербальной коммуникации: «перспектива говорящего», «характеристика действия», «параметры (акустический, эмоциональный, темпоральный, содержательно-модальный и другие)», «понима-

ние, реагирование (например, быстрое, без подготовки)», «качество говорения (много, беспрерывно)» и так далее.

В качестве иллюстрации приведем небольшой фрагмент тезауруса:

«1.1. характеристика процесса речевого акта

< ... >

1.1.2 эмоционально-акустические параметры

1.1.2.1 не быть в состоянии говорить от волнения, от возбуждения
einen Kloß im Hals haben

→ аспект (непонятно) 2.2.1.1»

(отсылка к соответствующему параметру):

«2.2.1.1 ничего не понимать; не слышать

Bahnhof verstehen

Bohnen in den Ohren haben

auf seinen Ohren sitzen

→ аспект (непонятно) 1.1.2.1»

«1.1.3 темпорально-акустические параметры

1.1.3.1 говорить быстро

reden wie ein Wasserfall

reden ohne Punkt und Komma

reden wie ein Buch»

В то же время три последних выражения находятся в рубрике 1.1.4 «количественные параметры» в пункте 1.1.4.1 «говорить очень много».

Эта краткая (весь тезаурус представлен на двадцати страницах) выдержка дает представление о структуризации материала. Тезаурус снабжен алфавитным указателем лексических составляющих.

Все приведенные идиомы находятся в семантических отношениях друг с другом, что отражает их сходство и различие. Отнесенность какой-либо единицы к разным рубрикам позволяет в полной мере раскрыть ее значение, его образный характер, степень экспрессивности и возможные коннотации. Не вызывает никакого сомнения, что этот интереснейший опыт имеет теоретическое значение как образец моделирования ментального лексикона и практическую ценность для преподавания и перевода.

В Примере 2 верифицируется идея сетевой связи идиом в ментальном лексиконе. Собранные около 400 идиом вербализируют концептуальную сферу «достижение цели» и представлены в виде прототипического сценария, включающего «планы», «трудности и проблемы», «решительность и готовность рисковать», «лень» и даже «настроение». «Узлы» сценария соотносимы с 37 таксонами. Обратимся к небольшому фрагменту этого варианта тезауруса.

«Сцена А» (всего таких сцен 15), «от планов к началу активных действий», включает в себя несколько узлов, например, 1) «планы, намерения, надежды» (*die Weichen stellen, etw. ins Auge fassen, etw. im Hin-*

terkopf haben и др.); 3) «сложные задачи, труднодостижимые цели» (*eine harte Nuss* и др.); 7) «начало активного действия» (например, *der erste Schritt*). Организованные таким образом идиомы предполагают возникновение причинно-следственных связей, поскольку допускают варианты комбинирования, например, (7) следует за (1) или (7) невозможно из-за (3).

Семантическое моделирование такого рода позволяет наряду с парадигматическими отношениями продемонстрировать синтагматические возможности идиом и их текстообразующую роль. Автор справедливо замечает, что таким образом намного легче происходит освоение идиоматики при обучении. Кроме того, этот опыт может послужить экспериментальной моделью компьютерных фразеологических словарей.

Материалом Примера 3 послужил корпус текстов одного интенционально-семантического класса — диалогов, имеющих целью уладить конфликт. Независимо от возраста и характера участников диалогов их дискурсивная структура определяется общей концептуальной моделью, позволяющей выделить целый ряд общих «узлов», для которых характерно употребление говорящими идиом, распределяемых по 22 концептуальным сферам, например, «урегулирование конфликта», «поддержка», «оскорбление», «нарушение социальной нормы», «позитивная оценка» и др. Количество идиом в разных группах варьируется, как и их частотность. Автор обращает внимание на то, что важны не сами по себе статистические данные, а факт того, что концептуальная область «улаживание конфликта» должна доминировать в содержательной структуре диалога исследуемого типа. Этот опыт можно распространить и на другие сферы идиоматики.

Не подлежит сомнению, что многие положения, содержащиеся в работе, открывают интересные перспективы для лексикографической практики в целом — как при создании одноязычных, так и двуязычных словарей. Благодаря применяемым методам Дмитрий Олегович внес существенные уточнения в семантику многих идиом. Большой интерес его исследование может представлять и для контрастивной лингвистики. Работа Д. О. Добровольского имеет и неоспоримую дидактическую ценность, поскольку предполагает новый принцип освоения иноязычной идиоматики, основанный на концептуальном сходстве, порождающем ассоциации, что существенно облегчает запоминание соответствующих единиц.